

Глава 19

Гу Цин изо всех сил старался не срывать злость на Мэй Цзибае — в конце концов, тот ни в чём не виноват.

— Не зови меня так, — проворчал он, отбиваясь от ласки. — Как маленького, честное слово: «Цинцин, Цинцин»... Кто не знает, решит, что ты у меня поцелуй выпрашиваешь!

Мэй Цзибай, внимательно наблюдая за его мимикой и вслушиваясь в тон, лишь понимающе прищурился. Гнев юноши явно не был направлен на него лично — это было легко понять. Последнее время Цзибай вообще взял за правило ловить каждое мимолётное изменение в выражении лица супруга, не упуская ни единого движения бровей или взгляда. Впрочем, нынешняя вспышка раздражения всё же имела к нему косвенное отношение.

Он легонько сжал щёку Гу Цина. Тот, погружённый в свои невесёлые думы, даже не успел увернуться. Мэй Цзибай мимолётным жестом взъерошил его волосы и примирительно произнёс:

— Сначала попробуй. Маомао специально для тебя приготовила этот джем. Я пробовал — очень достойный вкус. И ешь панкейки-суфле, пока горячие. Ты ведь не из тех, кто привык разбрасываться чужой заботой, верно?

Гу Цин фыркнул, но за вилку всё же взялся.

— Это уж точно. Незачем портить плоды чужого труда.

Вкус десерта и впрямь оказался превосходным, что заметно умиротворило юношу. К моменту, когда тарелка опустела, он уже успел всё обдумать и наметил следующий шаг. Отложив вилку, он спросил:

— Если память мне не изменяет, завтра вечером мы должны ехать в Старое поместье семьи Мэй?

С тех пор как они съехали, семейные ужины раз в неделю стали обязательным ритуалом.

— Да, — отозвался Цзибай. — У тебя есть другие планы?

— Нет, просто уточнил.

Гу Цин отвёл взгляд и, подхватив тарелку, направился к выходу из комнаты.

— Отнесу вниз и заодно поблагодарю Маомао. Джем и панкейки-суфле — просто объедение.

Провожая его взглядом, Мэй Цзибай не сомневался: Гу Цин что-то скрывает. И единственное, что приходило на ум... дело семьи Юй.

Предчувствие его не обмануло. Едва они оказались в поместье и сели за стол, Гу Цин без обиняков поднял тему Юй, обращаясь напрямую к главе семейства. В наступившей тишине его голос прозвучал особенно отчётливо:

— Папа, я слышал, вы были в довольно близких отношениях с семьёй Юй. Почему же вы не вмешались, когда всё это случилось? Просто стоять в стороне и ничего не предпринимать — это ведь совсем не в вашем стиле.

Он специально не договорил, умолчав о том, что председатель Мэй выкупил активы корпорации Юй. Сначала нужно было прощупать почву: силы были слишком неравны, и идти напролом, как яйцо против камня, было ещё рано.

За столом воцарилось напряжение. Кроме совершенно сбитого с толку Е Байцина, все присутствующие так или иначе изменились в лице. Е Ваньжун нахмурилась, едва скрывая недовольство; Мэй Гуанци на мгновение помрачнел, но быстро взял себя в руки. Цзибай, сидевший рядом с Гу Цином, казался самым невозмутимым.

Е Ваньжун посмотрела на молчаливого мужа и первой нарушила затянувшуюся паузу:

— Гу Цин, это дело тебя не касается. Прошлое осталось в прошлом. К чему такие разговоры... Разве в семье Мэй тебя кто-то обидел?

Конечно, Гу Цин мог бы поговорить с председателем наедине, но он намеренно выбрал публичную сцену, чтобы увидеть реакцию каждого. Поэтому он тут же парировал:

— Вовсе нет, Цзибай очень добр ко мне. Мне просто любопытно. Мы ведь семья, разве нельзя просто поболтать?

Мэй Гуанци бросил быстрый взгляд на безмолвного сына и, решив не углубляться в расспросы, коротко отрезал:

— Это дела давно минувших дней, не стоит их поминать. Давайте обедать.

Однако Гу Цин не собирался замолкать. Уклончивый ответ Гуанци лишь подтвердил его подозрения. Если совесть чиста, к чему тайна? Значит, за душой всё-таки есть грешок.

Мэй Цзибай накрыл ладонь Гу Циная своей и тихо произнёс:

— События тех лет уже получили свою оценку. Неважно, что говорят другие, важно, чтобы ты сам умел анализировать факты.

Гу Цин вспомнил неопровержимые доказательства, которыми располагал. Он был уверен: как ни крути, Мэй Гуанци замешан в этом по уши. И этот вопрос не был плодом сиюминутной вспышки гнева.

Он уже открыл было рот, чтобы возразить, но Цзибай легонько погладил его ладонь пальцами — успокаивающе и... почти интимно. Гу Цин замялся, не понимая, что это было: жест поддержки или флирт. Вероятно, и то, и другое сразу.

Цзибай наклонился к самому его уху и прошептал:

— Позже я схожу с тобой в кабинет, и мы поговорим с отцом спокойно. Идёт?

После такого предложения Гу Цин отступил. Первичные выводы он уже сделал, а возможность продвинуться дальше упускать не стоило.

За столом семьи Мэй разговоры обычно не клеились. Гу Цину претила эта атмосфера: весь день каждый занят своим делом, и вот — редкий шанс пообщаться, но нет, «когда я ем, я глух и нем». К счастью, в их собственном доме таких порядков не было.

После ужина Мэй Цзибай проводил его в кабинет. Председатель Мэй сидел в глубоком кресле, и взгляд его был тяжёл.

— Я не хочу обсуждать прошлое, — холодно произнёс он. — Гу Цин, тебе стоит сосредоточиться на делах Корпорации Гу. Набирайся опыта, твой отец рассчитывает, что ты унаследуешь дело. Не трать время на праздное любопытство.

Гу Цин внимательно изучал Мэй Гуанци. Обычно тот держался дружелюбно и действительно относился к нему как к сыну, но сейчас он словно ошетинился. Каждое слово, каждый жест сквозили холодом.

«Дыма без огня не бывает», — подумал юноша.

Он не отступил, продолжая настаивать:

— Мне действительно просто интересно. Столько лет прошло, а в деле Юй до сих пор нет ясности. Я немного покопался в бумагах и уверен: та авария была подстроена.

— Мы во всём разберёмся сами, — оборвал его председатель. — Твоё дело — бизнес Корпорации Гу. Больше общайся с Цзибаем, это пойдёт на пользу твоей будущей карьере.

— Одно другому не мешает...

Мэй Цзибай молчал, позволяя Гу Цину и отцу кружить вокруг темы, пока разговор снова не свернул на бизнес. Он уже сделал свои выводы. Почувствовав, как юноша рядом начинает закипать, он обнял его за плечи, прерывая спор:

— Отец устал. Нам пора ехать, поговорим в другой раз.

Гуанци ответил прямо и жёстко:

— И ты, Цзибай, и ты, Гу Цин — не лезьте в это дело. Всё гораздо сложнее, чем кажется. Разборки нашего поколения — это моя забота. Я не хочу, чтобы случилось что-то... непоправимое.

Мэй Цзибай кивнул и вывел Гу Цина из кабинета.

Тот шёл по коридору, погружённый в глубокое раздумье. Слова председателя стали для него тревожным сигналом. Мэй Цзибай действительно дорожил «Юй Цзиньнянем» и, конечно, знал, что Гу Цин копает под прошлое. С его характером он не мог сидеть сложа руки — наверняка он и сам ведёт расследование гибели Юй Цзиньняня и краха его семьи.

Если верить в худшее... Если Мэй Гуанци действительно приложил к этому руку, какой выбор сделает Цзибай, когда узнает правду?

Гу Цин не верил председателю. Раньше он не доверял и Цзибаю, но теперь... Теперь он хотел верить, что сможет перетянуть его на свою сторону. Мэй Цзибай заслуживал доверия. И даже если виновен его отец, они могли бы решить это вместе. За ошибки прошлого нужно платить, сколько бы лет ни прошло.

Но не поставит ли он Цзибая в невыносимое положение, когда всё вскрыется?

Спускаясь по лестнице, Гу Цин так глубоко ушёл в себя, что оступился. Он едва не полетел кубарем, но Цзибай среагировал мгновенно, подхватив его и прижав к себе.

Оказавшись в кольце крепких рук, Гу Цин уже собирался отстраниться, как вдруг услышал голос Е Байцина. От смущения он мгновенно покраснел до ушей.

Мальчишка, вышедший из-за угла, замер на ступенях:

— Вы же вроде только ради бизнеса поженились? На людях — ладно, но дома-то зачем эти обнимашки? Гу Цин, ты же раньше брата терпеть не мог, неужели передумал?

Ещё пару дней назад Гу Цин отрезал бы твёрдое «нет», но сейчас слова застряли в горле. Он неловко оттолкнул Мэй Цзибая и откашлялся:

— А тебе-то какое дело? Ты в девятом классе, вот и грызи гранит науки. Конец четверти на носу — неужели уроков мало или тестов недостаточно?

Е Байцин скривился и пробурчал что-то о том, как умело Гу Цин бьёт по больным местам. Затем он протянул ему коробку:

— Вот. Спасибо говорить — это как-то мелко. Возьми, это за Цзайчжоу.

Гу Цин глянул на торт и усмехнулся:

— Приму с удовольствием. Это ведь сегодняшний лимитированный выпуск?

Е Байцин расплылся в довольной улыбке:

— Мы с Цзайчжоу после школы полчаса в очереди стояли. Урвали последний!

Глядя на сияющие глаза подростка, Гу Цин не удержался и взъерошил ему волосы. Теперь он понимал, почему Мэй Цзибай так любит трепать его самого по голове.

— Передай ему, что подарок принят.

— Ага! — Байцин замялся на секунду, а потом добавил: — Знаешь... было бы круто, если бы ты навсегда остался моей невесткой.

Невесткой?

— Что ещё за бред, — возмутился Гу Цин. — Не смей меня так называть!

Е Байцин состроил рожицу и умчался наверх, оставив Гу Цина в странном замешательстве. Удивительно, как легко дети начинают верить людям после одного доброго поступка, хотя совсем недавно он их только бесил.

Вмешательство Байцина разрядило обстановку между ним и Цзибаем.

Вернувшись домой, они по настоянию Гу Цина разделили этот торт на двоих. Перед сном в голове юноши сложился план: нужно найти момент и прощупать почву, разузнать, что Мэй Цзибай на самом деле думает обо всей этой истории.

Свои чувства он осознал, но будущее оставалось туманным.

На следующий день, едва он дошёл до парковки после работы, на телефон пришёл неожиданный запрос в друзья. Стоило Гу Цину подтвердить его, как Ян Фань тут же инициировал звонок. После секундного колебания юноша сел в машину и нажал на приём. Собеседник не стал тратить время на вежливость, и от его слов Гу Цин мгновенно посерьёзшел.

— Ваш брак с Цзибаем — чистая формальность, — высокомерно заявил скрипач. — Посторонние могут обманываться, но я-то прекрасно знаю: между вами нет чувств.

Гу Цин хмыкнул, не скрывая насмешки:

— Слышал бы тебя сейчас Цзибай. Куда девался тот утончённый и благородный маэстро, которым все восхищаются?

От Ян Фаня веяло неприкрытой, надменной желчью. В этот момент Гу Цин невольно вспомнил Е Ваньжун — оба они одинаково презирали и его нынешнего, и его прошлого.

— Я лишь констатирую факт.

— Что ж, тогда слушай меня внимательно, Ян Фань. Да, наш брак начинался как сделка. Да, до свадьбы мы друг друга недолюбливали. Но! Мы из тех пар, что влюбляются уже после алтаря. Я... я люблю его.

— Даже если это правда, что с того? Разве он любит тебя?

Почувствовав, как скрипач на том конце провода буквально задыхается от злобы, Гу Цин ядовито улыбнулся:

— А ты пойд и спроси его сам. Вы ведь такие «близкие друзья», верно? Разве зазорно поинтересоваться личной жизнью лучшего друга?

— Ты!..

— Цзибай дорожит вашей дружбой. Но у него есть тот, кого он любит по-настоящему, и ты об этом знаешь. Дам тебе совет: не делай того, чего он никогда не простит. Ты ведь в курсе его принципов. Если решишь напроситься на неприятности — я с удовольствием посмотрю это шоу.

Он бросил трубку и завёл мотор.

Раньше ему казалось, что Мэй Цзибай и Ян Фань — отличная пара, но теперь он видел гнилое нутро скрипача. Его предупреждение... было лишь попыткой избавить Цзибая от лишних проблем, ведь тот искренне ценил талант Ян Фаня.

Однако за ужином Цзибай сам заговорил о нём: Ян Фань пригласил их на свой сольный концерт.

— Мне это неинтересно, — отрезал Гу Цин. — Не ценитель я такой музыки, так что не пойду. Если хочешь — иди один. Скажешь, что я занят в компании. Но возвращайся сразу после окончания, чтобы никаких «до полуночи». Ты требуешь от меня не задерживаться и ночевать дома, так что не смей использовать двойные стандарты.

— Точно не хочешь со мной? — уточнил Цзибай.

— Точно. Мой предел — те пьесы, что играешь ты. Остальное — мимо. Со сном у меня сейчас всё в порядке, так что классика как колыбельная мне ни к чему.

— Хорошо. Постараюсь вернуться как можно раньше.

Гу Цин кивнул, а помолчав, негромко добавил:

— Я буду ждать.

Мэй Цзибай долго смотрел на него, и лишь когда юноша уткнулся в тарелку, пряча взгляд, мужчина довольно улыбнулся. Что ж, после таких слов поход на концерт стал действительно неуместным.

Гу Цин делал вид, что ему всё равно, но в день концерта домой он не спешил. Одному ужинать — тоска смертная. Как раз кстати подвернулся Шэнь Боянь с предложением встретиться. По дороге в ресторан он даже зашёл в свой аккаунт анти-фаната, чтобы пожаловаться на «тирана и деспота», который вечно чего-то требует, а сам делает что хочет.

Ему было чертовски обидно, что ужин пройдёт без Цзибая.

В ресторане Шэнь Боянь, глядя на то, как Гу Цин лениво ковыряет вилок в тарелке, лишь хмыкнул:

— Что такой кислый? О суженом мечтаешь? Ах да, сегодня же концерт Ян Фаня. Зная их дружбу, Мэй Цзибай наверняка там, на самом козырном месте в VIP-ложе.

Гу Цин едва не согнул вилку пополам.

— Помолчи, и так тошно!

— Ты же вроде не любил его, — протянул Боянь с интересом. — Даже если Ян Фань на него виды имеет, тебе-то какая печаль? К чему эта ревность?

Гу Цин помрачнел. Раньше он считал их идеальной парой, теперь же мечтал, чтобы Ян Фань исчез с горизонта.

Шэнь Боянь долго наблюдал за ним, а потом вынес вердикт:

— Раньше я верил, что ты просто восхищаешься им издалека. Но сейчас... Ты же буквально тонешь в ревности. А если ревнуешь — значит, любишь. Иного не дано.

Гу Цин и сам уже знал, что любит Мэй Цзибая.

— Но я не могу запретить ему ходить к друзьям на концерты. Буду выглядеть как мелкий собственник.

— В любви не бывает мелочности, — рассмеялся Шэнь Боянь. — Есть только «важно» и «неважно». Если любишь — иди и бери своё. Я не думаю, что Цзибай к тебе равнодушен. Когда он смотрит на тебя, в его глазах совсем не то, что при взгляде на других.

«Конечно, — с горечью подумал Гу Цин. — Он ведь любит Юй Цзиньяня, а не Гу Цина. Но если он видит во мне лишь тень брата, разве это одно и то же?»

Заметив тень боли на его лице, Боянь вскинул брови:

— Что ты мнёшься? Любишь — значит, добивайся. Брак по расчёту? Тем лучше — ты уже ближе всех к нему. Самый короткий путь! Влюблённость после свадьбы — это же чистая сказка в реальности.

Гу Цин замер, глядя в окно. Снаружи начался ливень: капли с силой барабанили по стеклу, заглушая все звуки.

Зимняя гроза? Редкость. Но он чувствовал, как в его собственной груди только что громыхнул гром, разогнав все сомнения.

Раз уж судьба дала ему второй шанс и новое имя, почему бы не начать всё сначала с Мэй Цзибаем? Теперь он Гу Цин — наследник богатого рода, а не изгой. Почему он не может заставить Цзибая полюбить именно его?

Если к гибели его семьи причастен Мэй Гуанци, Гу Цин никогда не раскроет свою тайну. Правда лишь ранит Цзибая, заставив выбирать между отцом и потерянной любовью.

Пусть он не знает, что перед ним Юй Цзиньянь. Для него лучше считать, что тот человек остался в прошлом, а Гу Цин — просто Гу Цин.

Время лечит. Раньше он пользовался чувствами Цзибая, не ценя их искренности, — теперь он готов искупить эту вину вдвойне. В новом теле живёт та же душа. Если Цзибай сумел полюбить Юй Цзиньянь, он сможет полюбить и его нынешнего!

От этой мысли на душе стало легко и ясно.

Он резко поднялся, и его взгляд стал решительным.

— Спасибо. Ты прав. Глупо стоять у воды и не пытаться достать луну!

Гу Цин стремительно вышел из ресторана. Шэнь Боянь отложил приборы и, подперев щеку ладонью, посмотрел ему вслед. На бледном лице отразилась сложная гамма чувств: горечь, усталость и лёгкая самоирония.

Настоящая любовь случается у других, но он сам уже давно перестал верить в такую удачу для себя.

Зимний дождь обжигал холодом. Свинцовые тучи давили на город, лишая его воздуха.

Но Гу Цин был полон решимости. Кроме мести, в его жизни появилось нечто иное. Он готовился к худшему, но надеялся на лучшее. И теперь он собирался действовать.

Его пальцы на руле слегка дрожали от возбуждения.

Впервые после смерти матери он чувствовал такую жажду жизни. Пусть впереди тернии — там, за ними, светил свет, к которому он так отчаянно хотел прикоснуться.

И ради этого стоило бороться до конца.

<http://bllate.org/book/17544/1712264>